

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 40

Джейн, Анна.

Д 40 Небесная музыка. Солнце / Анна Джейн. – Москва :
Издательство АСТ, 2018. – 704 с. – (Анна Джейн. Луч-
шие книги).

ISBN 978-5-17-110809-0.

Диана — певица, покорившая своим голосом миллионы людей. Она красива, талантлива и популярна. В нее влюблены Дастин — известный актер, за красивым лицом которого скрываются надменность и холодность, и Кристиан — незаконнорожденный сын богатого человека, привыкший получать все, что хочет. Но никто не знает, что голос Дианы — это Санни, талантливая студентка музыкальной школы искусств. И пока на сцене одна, за сценой поет другая.

Что заставило Санни продать свой голос? Сколько стоит чужой талант? Кто будет достоин любви, а кто останется ни с чем? И что победит: истинный талант или деньги?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110809-0.

© Анна Джейн, текст
© ООО «Издательство АСТ»

*Кристине Федоровой и Расиме Рахматуллиной —
с благодарностью.*

Все события и герои, а также место действия вымышлены.
Любые совпадения случайны.

Пролог Секунда до бездны

Небо сжималось в точку,
и я летела,
То ли стремилась вверх,
то ли падала вниз.
Крылья мои окропила
звездная пыль,
Тушь расплавленным солнцем
текла по лицу,
И полумесяц застыл
черным камнем
в глазах.
Я потерялась,
и выхода нет —
Только небо.
И вечность.
И голос.

Группа «Стеклянная мята»

Срочная пресс-конференция Дианы Мунлайт должна начаться в шесть часов вечера, однако, несмотря на то что до шести осталось всего пять минут, никто не спешит выходить и делать заявление. И даже когда стрелки часов показывают начало первого, пресс-конференция все еще не начинается.

Зал переполнен журналистами: кто-то переговаривается между собой, кто-то печатает на ноутбуке, набрасывая текст будущей статьи, кто-то на всякий случай проверяет аппаратуру, стоящую напротив невысокой сцены, на которой высятся пустые стол и стулья. Однако никто из журналистов понятия не имеет, для чего их столь *внезапно* пригласили в роскошный конференц-зал отеля «Гранд-Кардон». И что такого *необычного* могло произойти с молодой, талантливой и, бесспорно, ставшей за короткое время популярной певицей?

Никто не знает.

Есть лишь предположения. Одни считают, что мисс Мунлайт скажет о своем избраннике или даже замужестве, другие думают, что она объявит о внезапном окончании карьеры, третьи делают ставки на то, что Диана начнет обвинитель-

ную кампанию против «Биг-Скай Рекордс» или даже... против отца. А почему бы и нет?

Десять минут седьмого. Пятнадцать. Двадцать.

Никто так и не выходит — ни певица, ни ее менеджер, ни продюсер. Лишь нервно переговариваются о чем-то работники отеля и просят собравшихся подождать, ссылаясь на непредвиденные обстоятельства. Что за обстоятельства, не поясняют.

Все это и раздражает, и интригует. По крайней мере, эти чувства испытывает сидящий в первых рядах Маршалл Ленингтон — светловолосый молодой мужчина в очках, с кривой полуулыбкой, выпирающим кадыком и пронзительными глазами. Он работает в скандально известном журнале «Миллениум» и специализируется на звездах, неплохо получая за то, что раскрывает их тайны и умело подает на белом блюде голодной до зрелищ общественности. Маршалла в шутку называют Псом — за его отличный нюх на секреты и скандалы. Именно Маршалл смог добыть скандальные фото измены актрисы Лесли Стромберг своему мужу-сенатору, именно он стал автором сенсационного материала, разоблачающего махинации киностудии «Темпл Пикчерс», именно он раскрыл миру правду на Джуно Рейли, рассказав о его связи с мафией и любви к совсем молодым мальчикам. Правда, в целях безопасности пришлось публиковаться под псевдонимом, но все же Маршалл собою гордится. Он — настоящий профессионал. Папарацци — и гордится этим.

А вот до Дианы Мунлайт Маршалл так и не добрался, хотя утром чувствовал — с ней что-то не так. Слишком чистой, почти непорочной кажется она. Отстраненной и в то же время прямой, не знающей, что такое лезть, ложь и притворство. Но в шоу-бизнесе так не бывает — ступивший в грязь не остается чистым. Грешки водятся за всеми — Маршалл в этом уверен. Шкафы небожителей переполнены скелетами и трещат по швам — стоит лишь тихонько постучать, и скелеты вывалятся сами.

Двадцать пять минут седьмого. Тридцать. Никого нет.

Кто-то из знаменитостей откровенно побаивается и избегает Маршалла, кто-то пытается завести подобие дружеских отношений, кто-то даже пробует подкупить — но журналист занимается своим делом «из любви к искусству» и правде. А кто-то его просто презирает и в лицо говорит о том, что он — полное дерьмо. Диана Мунлайт такая. И это даже восхища-

ет Маршалла, но, тем не менее, он хочет узнать ее *получше*. И именно поэтому он сейчас находится здесь.

Кто ты такая, Ди?

Соответствует ли твой образ действительности?

Или?..

Маршалл терпеливо ждет появления мисс Мунлайт или ее представителей, потому что уверен — им есть что сказать. И он почти уверен, что это заявление будет связано с Дастином Лестерсом. Маршалл давно подозревает между ними связь, однако доказательств этому нет. Зато у него есть отличный материал про Лестерса и Ричарда Фелпса, участника группы «Пепельные цветы».

«Пепельные цветы» Маршалл недолюбливает. Когда они были на пике популярности, он заканчивал старшую школу, и многие девчонки сходили по ним с ума, что жутко раздражало. Но к кому Маршалл испытывает глубокую антипатию, так это к Лестерсу. Когда-то давно девушка, с которой они вместе учились в колледже, выбрала не его, а Лестерса, тогда еще обычного официанта, стучащегося во все двери киностудий. Маршалл так и не простил Сальму. Но даже то, что они не виделись уже несколько лет, не мешало ему продолжать думать о ней — разумеется, втайне от всех. Тот, кто любит чужие секреты, непременно хранит свои. Ну а Лестерс — Лестерс очень обрадуется статьям и фото, которые удалось сделать Маршаллу. Эта мысль его греет.

Сорок минут седьмого. Все слишком затягивается. Но интерес не утихает. Только лишь обостряется.

Журналисты переговариваются громче и громче, кто-то даже спрашивает, есть ли смысл тут торчать. Ему отвечают, что смысл есть и что пресс-конференция вот-вот начнется.

Маршалл спокоен. Он уверен — что-то произойдет. Просто надо подождать — а уж это искусство постигнуто им сполна.

Его голову снова занимают мысли о семье Мунлайт. Кроме Дианы, Маршалла крайне интересует ее старший брат Аарон — тот, кого пророчат в преемники Николаса. До недавнего времени Аарон считался одним из самых завидных женихов страны: богатый, красивый, умный, не замешанный в скандалах — просто образец для подражания. А не столь давно женился на аристократке Елене Манфорд, дочери барона Манфорда. Не пара, а идеал — по крайней мере, с виду. Бренд. Разрекламированный и эксклюзивный.

Про Елену Маршалл ничего сказать не может, кроме того, разумеется, что она чертовски хороша, и это при том, что никогда не делала пластику — он проверял этот факт. А вот Аарон Мунлайт не такой уж и образец для подражания, как оказалось. Совсем не такой.

Думая о нем, Маршалл чувствует, как на его губах играет легкая полуулыбка. У Маршалла есть кое-что на Аарона. И это «что-то» может взорвать новости — главное, получить оставшиеся доказательства и дожидаться нужного момента. Он уверен — это будет бомба. Правда, Елену несколько... жаль. Впрочем, она сама выбрал себе такую жизнь и такого мужа. Желающих было множество, и ей... повезло больше, чем остальным.

Маршалл знает, что не стоит связываться с семьей Мунлайт — Николас Мунлайт слишком значимая и влиятельная фигура, и знает, что никто не согласится опубликовать *такую* статью. Однако в эпоху Интернета легко можно будет распространить эту информацию по Всемирной паутине. Главное, знать, как это сделать, и тогда даже Николас Мунлайт не сможет остановить лавину.

Маршаллу нравится ощущать себя выше тех, кто считает себя хозяевами жизни. Ему кажется, что его дело — правое. Он уравнивает этот мир.

Время продолжает медленно двигаться вперед.

— Зря пришли? Мунлайт не придет? — спрашивает сидящий рядом зеленый юнец из «Нью-Корвен Мейл», газеты с большим тиражом, которая постоянно дискредитирует себя фейковыми новостями. Маршалл презрительно называет такие «газетенками». Он, конечно, роется в чужом грязном белье, и роется тщательно, но он всегда уверен в том, что пишет.

— Надеюсь, что придет, Том, — отвечает Маршалл, поигрывая шнуром от бейджа, на котором значатся его имя и издание, в котором он работает. Он напряжен, хоть и старается не подавать виду — уверен, что что-то происходит. Но что, что? Маршалл ненавидит оставаться в неведении.

— О чем она хочет сказать? Есть мысли? — спрашивает Том, поглядывая на наручные часы.

Маршалл пожимает плечами — делиться *своими* мыслями он не намерен.

— Без понятия, Том, совершенно без понятия. Ты нервничаешь, — замечает он. — Торопись?

— Немного, — признается Том. — Сегодня у меня назначено интервью с одной дамой. И я боюсь опоздать.

— Забей на интервью, — добродушно советует Маршалл. — Тут ты можешь получить эксклюзив. А там...

— Тут могу, а там — точно получу. — Видя, как скептически смотрит на него коллега, Том выдает: — Эта женщина утверждает, будто родила дочь от... — имя он шепчет едва слышно, и Маршалл приподнимает бровь от удивления. Это весьма неожиданная информация.

— А ты уверен, что она не сумасшедшая? — спрашивает он. — Ты же знаешь, постоянно находятся «родившие» то от миллионера, то от звезды. Либо сумасшедшие, либо охотницы за деньгами и славой.

— Уверен, — кивает юнец Том. Он доволен собой. И доволен тем, что смог похвастаться перед таким коллегой, как «Пес» Ленингтон. Однако он не замечает, какой блеск появляется в светлых глазах Маршалла. И не видит, как тот набирает сообщение одному из внештатных коллег, с которым часто работает в паре. Он просит срочно подъехать к отелю «Гран-Кардон» и проследить за Томом — его фото, сделанное украдкой, Маршалл тоже присылает коллеге.

Своего он не упустит. А юнцу будет урок — не делись с кем попало новостью, особенно если она грозит стать сенсацией.

Без пятнадцати семь. Так никого и нет. Но пресс-конференцию все не отменяют.

Журналисты волнуются. Не то чтобы они не привыкли ждать — на недавнем закрытом саммите союзных государств аккредитованные журналисты прождали более восьми часов, прежде чем политики вышли на интервью огласить список соглашений и компромиссов, к которым пришли при обсуждении. Однако Диана Мунлайт — это не политик. Всего лишь певичка.

«Почему ты не занимаешься настоящей журналистикой?» — звучит в его голове женский голос, и Маршалл едва заметно хмурится. Он отгоняет мысли о той, кому принадлежит голос, не замечая, как постукивает пальцами с коротко обрезанными ногтями по жесткому подлокотнику кресла.

Глупость. И эта девчонка — тоже глупость.

Без десяти семь его телефон начинает вибрировать — звонят из редакции и сообщают срочную новость: Ричард

Фелпс, бывший участник группы «Пепельные цветы», также собирает пресс-конференцию. Это же сообщение получают и многие другие коллеги Маршалла. Фелпс уже давно и носе не показывает в родном городе, чем он занимается — никому не известно. Поговаривают, что он просаживает деньги матери, а недавно купил виноградник где-то во Франции. Сладкий Ричард не хочет вспоминать о своем прошлом, хотя остальные горят желанием сделать это. Из кумира прошлых дней (кумира для малолетних девчонок, разумеется) Фелпс сделался человеком-тайной, и тех, кто желает разгадать эту тайну, немало.

Почему Фелпс решил на пресс-конференцию, никто не знает. Никто даже не догадывался, что он в Нью-Йорке — информации о том, что Ричард вернулся обратно, нет никакой.

Что он хочет сообщить прессе, по какой причине, с чем это связано — все остается неясным. Пожалуй, для всех, кроме Маршалла, и он усмехается про себя, слыша разговоры коллег. Это еще один эксклюзивный материал, которым он владеет — узнал обо всем из-за Лестерса, совершенно случайно. Но какое же было его удивление!

Его телефон снова вибрирует — приходит сообщение:

«Пожалуйста, не надо! Я тебя очень прошу. Пожалуйста. Я все что угодно сделаю. Не трогай Лилит», — пишет та, которая некоторое время снабжала его интереснейшей информацией.

Маршалл не отвечает — все еще помнит ее вопрос, почему он не занимается «настоящей журналисткой». Возможно, эти слова задели его. А может, они задели что-то другое внутри него — не струны гордости или самолюбия, а что-то другое... Более потаенное.

Глупости. Все это — глупости.

Ему ничего от нее не нужно.

Ровно в семь все-таки объявляют, что пресс-конференция Дианы Мунлайт переносится на неопределенное время, и все могут быть свободными.

Ничего не понимающие журналисты покидают величественные стены «Гранд-Кардона». Они только зря потратили время, не получив ничего.

Маршалл все-таки разочарован. Он был уверен — что-то будет.

Он стоит на позолоченном солнцем тротуаре около входа в отель, щурясь из-за ярких лучей. Ему нужно дозвониться до коллеги и сказать о том, что планы меняются — Том еще не вышел на улицу. Нестерпимо хочется курить, и печет спутанные чуть волнистые волосы — пора состричь их, да некогда. Еще Маршалл все-таки думает позвонить той, которая прислала ему сообщение, а следом за ним еще одно, и еще, и еще. Только он их не читал.

Однако он не успевает набрать даже коллегу — ему самому звонят. Номер на экране не определился, но Маршалл отвечает, внимательно следя за выходом из отеля — не хочет пропустить Тома.

— Слушаю, — сухо говорит Маршалл, попутно хлопая себя по карманам в поисках пачки сигарет.

— Здравствуйте, — раздается незнакомый женский голос — он спокоен и словно обволакивает его. — Маршалл Ленингтон?

— Он самый, — отвечает журналист, прикрывая глаза ладонью — в этом городе слишком много солнца. — Кто вы и что хотите?

Он слышит короткий вздох, будто та, которая звонит ему, набирает воздух поглубже в легкие — так делают, когда решаются на что-либо. А потом слышит:

— Прошу извинить за внезапный звонок. Меня зовут Елена Мунлайт, и я хотела бы встретиться с вами.

Маршалл не верит своим ушам. И даже отстраняет телефон от уха, чтобы еще раз взглянуть на экран.

Та самая Мунлайт? Елена Прекрасная, как ее за глаза называют в их тусовке? *Она?*..

Быть не может.

— Для чего вам нужна встреча, миссис Мунлайт? — спрашивает он.

— Приватный разговор, мистер Ленингтон.

— Вот оно как, — задумчиво тянет он. — Но вы понимаете, что ваш звонок... несколько необычен и внезапен? Я даже могу... — Он делает длинную паузу, соображая, что происходит.

— Заподозрить меня в том, что я не та, за которую себя выдаю, — спокойно реагирует Елена Мунлайт. Предположительно Елена Мунлайт, разумеется. Но интуиция Маршалла подсказывает ему, что это все-таки она.

— Да. Что...

Уточнить, что за приватный разговор, он не успевает — к отелю стремительно несется черный мотоцикл и опасно торкозит рядом с Маршаллом, едва не взрезавшись в отъезжающее такси. Им управляет парень в кожаной куртке и в кожаных перчатках с отрезанными пальцами, а позади него, крепко обняв за пояс, сидит девушка в джинсах и клетчатой рубашке.

Из-под ее шлема торчат красные волосы.

Парень слезает с мотоцикла, снимает с себя шлем и громко кричит, привлекая внимание журналистов, которые еще не успели уехать:

— Пресс-конференция будет! Слышите меня? Эй! Возвращайтесь, мать вашу! — И берет девушку в шлеме за руку.

Маршалл узнает его.

И думает, что они все сумасшедшие.

Он не может не вернуться обратно, но прежде договаривается с Еленой Мунлайт — предположительно Еленой Мунлайт — о встрече. И бежит следом за коллегами. Такое пропустить Маршалл «Пес» Ленингтон точно не может.

Журналисты спешно возвращаются в «Гранд-Кардон», явно оставляя постояльцев гостиницы в недоумении.

Солнце светит легко и ярко. Но ведущая прогноза погоды, появившаяся на огромном медиафасаде одного из небоскребов, говорит, что после вчерашней грозы ожидается сухая погода и потепление.

Следом запускается реклама трейлера нового фильма Дастина Лестерса, в котором он играет рок-стар. А затем — реклама духов «Северное сияние», лицом которых является Диана Мунлайт.

Мята, морской бриз, грейпфрут, древесные нотки и ночные цветы, озаренные лунной дорожкой.

Пресс-конференция начинается.

*Ровно секунда до бездны —
Прошу тебя, только
не отпускай.*

*Даже если была бесполезной,
Я горела. Последнее
правило тайн*

Позабыв.

глава 1 Энтер. и аквамарины

Осень как смысл жизни.

Ты как моя осень.

Но однажды я бы хотел попасть в весну.

Этой ночью я нахожусь дома одна и переглядываюсь с тусклыми звездами, сидя на подоконнике с гитарой в руке. Я пытаюсь поработать над лиричной песней, которая почему-то связана в моей голове с образом Кристиана Уилшера, но ничего не получается. Я не слышу музыку — Небесное радио в последнее время работает из рук вон плохо. То с помехами, то вообще молчит. И без него музыка получается... пресной.

Я играю на акустике партию за партией, мысленно бракуя каждую из них — все не то, все совершенно не то. Я не могу выстроить единую мелодию. У меня не получается сделать ритмический контраст, да и вообще, мне не нравится ритмический рисунок. Аккорды то и дело сбиваются, тональности оказываются не теми, штрихи смазаны. Легато, вибрато, свип, тэппинг, баррэ — все не то. Я словно слышу музыку сквозь вату — до меня доносятся лишь ее глухие отголоски.

Вокруг меня — гора листков с аккордами и ходами, в каждом из них — море исправлений, а иные и вовсе смяты. То и дело мне вспоминаются слова Эммы Мунлайт.

«Глупая, глупая Санни Ховард. Ты понимаешь, что делаешь? Ты же ставишь крест на себе. Думаешь, отказав мне, ты будешь жить прежней жизнью? Нет».

Эти чертовы слова врезались в мою память. И я против воли помню их.

Не хочу думать, что я боюсь. Не хочу верить в ее слова. И не хочу верить в свой страх.

Она была уверена, что я соглашусь петь за ее дочь. И была уверена в том, что деньги — это тот крест, на котором я легко соглашусь быть распятой. Но я не собираюсь вбивать гвозди в руки.

Я не собираюсь вбивать гвозди в свое сердце.

И в свою мечту.

Пошли вы, миссис Мунлайт. Вы просто очередная высокомерная сука.

Эммеин Анна

Я откладываю гитару и перевешиваюсь через окно в густую тьму ночи. Я никогда не боялась темноты, зная, что ее легко победить, но сегодня мне кажется, что она таит в себе опасность — не зря погас фонарь.

Хочется написать сообщение Кристиану, но я сдерживаю себя. Не стоит. Я не должна навязываться.

Я оставляю гитару в покое, делаю себе крепкий кофе и перехожу на миди-клавиатуру, но результат все тот же. Ничего не выходит. Я не слышу музыку, а музыка не слышит меня. Все получается не так, как нужно. Возможно, у меня исчезло вдохновение, но я всегда верила в то, что вдохновение — лишь начальная форма мотивации, яркая, как росчерк молнии. Оно пропадает довольно быстро, и остается лишь два пути: бросать начатое, ожидая следующей вспышки, или с помощью трудолюбия и упрямства дойти до конца.

Я всегда шла по второму пути, не боясь трудностей и даже находя в них удовольствие, но сегодня мне хочется все бросить. Однако я упрямо пытаюсь переломить себя.

Под утро кое-что все-таки выходит. И я посылаю парням пару записей — просто сообщение с короткими прикрепленными аудиофайлами. Они поймут, в чем дело. Всегда понимают. Кому-то это покажется диким, но для нас это нормально — поделиться материалом друг с другом хоть ранним утром, хоть поздней ночью. У идей нет чувства времени. А вдохновение существует вне границ реальности.

Чет не отвечает, и у меня есть подозрение, что он зависает где-то со своей новой подружкой, от которой просто без ума. Кто она, я не знаю. Но когда Чет говорит о ней, его глаза загораются так ярко, а улыбка становится такой счастливой, что мне кажется — он не в себе. Я не представляла, что такой человек, как он, может *по-настоящему* влюбиться. Чет замечательный друг, крутой музыкант и, вполне допускаю, отличный любовник. Но вот бойфренд он не самый лучший — в отношениях Чет привык *брать*. Все и сразу. Выпивать залпом. Опустошать. Сможет ли он *отдавать*, я сомневаюсь. Но, глядя на его счастливое лицо, думаю, что она его научит этому. А еще я хочу с ней познакомиться, хотя Чет даже имени ее не упоминает.

Оливер отвечает первым. Он пишет: «Вроде бы ничего, кое-что доделать, и будет норм. Я на работе, обсудим завтра». Но я понимаю, что ему не сильно понравилось. А может